

Шмиэл Сандлер  
*Белокурая бестия*

Игра по волчьим законам



Шмиэл Сандлер

**Белокурая бестия. Игра  
по волчьим законам**

«Издательские решения»

## **Сандлер Ш.**

Белокурая бестия. Игра по волчьим законам / Ш. Сандлер —  
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-505030-4

Немецкий офицер в глухой русской деревеньке от скуки и развлечения ради предлагает русскому пареньку игру на выживание. Противостояние боевого офицера и подростка показывает в финале, кто на самом деле является Сверхчеловеком. Напряжение в повести усугубляется еще и тем, что бесстрашный офицер сначала силой уводит, а потом и безумно влюбляется в девушку нашего паренька.

ISBN 978-5-00-505030-4

© Сандлер Ш.  
© Издательские решения

# Белокурая бестия

## Игра по волчьим законам

Шмиэл Сандлер

© Шмиэл Сандлер, 2019

ISBN 978-5-0050-5030-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Среди большой войны жестокой,  
С чего – ума не приложу,  
Мне жалко той судьбы далекой,  
Как будто мертвый, одинокий,  
Как будто это я лежу,  
Примерзший, маленький, убитый  
На той войне незначительной,  
Забывший, маленький, лежу.  
Александр Твардовский*

Обер лейтенант Диц был вполне доволен собой. Ловушка, которую он готовил для лесных гномов, захлопнулась. Все три гнома пришедшие под покровом ночи в дом лесничего были схвачены во время ужина, которым этот рыжебородый коротышка потчевал гостей.

За неделю до этого события лейтенант увел у лесничего его восемнадцатилетнюю дочь Соню и обещал отдать ее солдатам, если тот не сдаст ему сообщников.

Лесничего звали Федор Симаков. Это был приземистый шестидесятилетний мужчина с крупными чертами лица и огненно-рыжей бородой, которая развевалась у него на ветру как флаг.

Серые близко поставленные глаза лесничего были подернуты слезной мутью, а сизый в крупных порах нос выдавал в нем человека, подверженного запоям. Симаков безумно любил свою красавицу дочь, хотя и кричал на нее, будучи пьяным.

Просидев в канцелярии под арестом несколько часов, он позвал к себе переводчика, за которого был деревенский староста и злобно сказал ему:

– Ты за все ответишь мне, Савелий Петров, можешь не сумлеваться.

– Пока что ответ держать тебе, – угрюмо отвечал староста, – не заставляй ждать господина офицера, если хочешь спасти дочь, Федор.

– Немец тоже ответит мне за Соньку, – пообещал Симаков, – можешь не сумлеваться.

– Как знаешь, Федор, – холодно отвечал староста и перевел слова лесничего лейтенанту.

– О, прикрасно, косподин Симакоф! – тонко улыбнулся лощеный лейтенант и попросил адьютанта Зингеля срочно доставить в канцелярию дочь лесничего.

На глазах старосты и побледневшего от страха отца, он медленно раздел вздрагивающую от его прикосновений девушку и, усадив ее к себе на колени, весело сказал:

– Старик, ти хочьешь видать, как твой дочь станьет женщина?

Симаков заплакал и согласился на все требования офицера:

– Не трогай ее, Фриц, – судорожно глотая кадык, сказал он немцу, – Софья тут не причем, можешь не сумлеваться.

В тот же день он сдал гномов лейтенанту. Пленных заперли в колхозном амбаре. Пьяного Симакова посадили к гномам, а девушку заботливо одели и вернули в канцелярию, где для нее был подготовлен уголок в ленинской комнате.

Чувствуя себя удачливым игроком, обер лейтенант Диц приказал усилить охрану колхозного амбара и с чувством триумфатора отправился спать в дом культуры имени Горького, который его предшественник Фриц Штайнер удачно переоборудовал под канцелярию.

В три часа ночи он проснулся оттого, что чей-то глухой скрипучий голос монотонно повторял за окном одну и ту же комбинацию звуков: «Ёо. Ёо. Ёо... Го. Го... Хоо. Хо. Хо... У.У.У.У...»

Странные приглушенные крики вызывали в нем смутное и непонятное беспокойство. Это было неожиданное и неприятное для него ощущение; он давно уже не испытывал чувства страха постоянно рискуя жизнью и приучая себя к каждодневной опасности. В том, что он услышал, было нечто механическое и мертвое, будто облезлая детская кукла испуганно кричит, потому что кто-то безжалостно и тупо наступает ей на живот. Человеческий голос не мог иметь такого жуткого тембра, и это насторожило подозрительного лейтенанта. Сначала, со сна, он уловил лишь протяжный горловой голос, тянущий на одной ноте несвязные звуки, но, прислушавшись, отчетливо различил русские слова, значение которых не понимал.

С русским у него почти не было проблем. Ему нравился этот язык, и он немного говорил на нем, удачно используя матерные слова и пословицы, но этого было недостаточно для флирта с женщинами, и в будущем он намеревался расширить словарный запас выражениями романтического характера: было крайне неудобно ухаживать за местными девицами, плохо владея русской речью.

То, о чем Симаков с пьяным куражом говорил старосте, он понял без всякого перевода: между лесничим и Петровым существовали, вероятно, давние счеты, которые староста и выказывал ему теперь с явной антипатией. Только враждой и ненавистью объяснял он ту сверхъестественную готовность, с которой Савелий Петров показал вчера на Симакова, как на пособника партизан.

Староста тоже прикладывался к горькой, но при этом он не терял головы и не заводился по пустякам, как Симаков, который с виду готов был сражаться, кажется, с целым миром, а на деле просто брал человека «на горло».

Староста был угрюмый, молчаливый тип, сторонившийся людей. Если спрашивали его о чем, он отвечал уклончиво, и не глядя в глаза, будто боялся, что вот-вот его уличат во лжи.

Вступив в должность, Петров никого в деревне не притеснял, а, напротив, помогал соседям, если от него зависело дело. Осенью он починил крышу вдове Лукерье Хромовой, сын которой, Пашка, дружил с его Иваном, а также приглядывал за хозяйством школьного учителя Корша, у которого пухли от ревматизма ноги. Однако он с готовностью выдал немцам партизан, которые гостили у Симакова, и это многих в деревне озлобило, но и удивило тоже: раньше Петров дружил с лесничим, а потом они поссорились. Перед новой властью Савелий заискивал, потому что на старую был крепко обижен.

Вселяясь в дом культуры, Диц поместил в свои хоромы просторную кровать, предназначенную для любовных утех. Принес ее в канцелярию предусмотрительный староста, хотя немец не просил его об этом. Он же, вместе с сыном Иваном, звероватого вида пареньком, оборудовал спальню офицера с учетом военного времени. Бывшая бухгалтерская дома культуры, а ныне обширная опочивальня коменданта Дубков напоминала блиндаж, огороженный колючей проволокой с единственным оконцем в виде крепостной бойницы, из которой можно было вести прицельный огонь в случае надобности.

Приподнявшись на локте, лейтенант скинул с себя теплое одеяло и предельно напряг слух: мертвый голос поменял свою тональность и напоминал теперь ржавый скрип дверных петель.

«Откуда раздаются эти проклятые звуки и почему на постах никто не отзывается?» Играя тугими рельефными мускулами, лейтенант пружинисто встал с кровати и, подойдя к «бойнице», открыл до упора форточку. В спальню ворвался обжигающий морозный воздух. На дворе стояла тихая звездная ночь. Где-то в конюшне сонно фыркнула лошадь, тоскливо завyla собака за старой мельницей и слышен был хруст деревьев трещавших от мороза. После оглушающей фронтовой канонады, которая основательно притупила ему слух, лейтенант долго не мог привыкнуть к этой идиллической сельской тишине, действующей поначалу ему на нервы. Он сел на край широкой кровати, легким щелчком открыл серебряный портсигар, лежавший на тумбочке вместе с книгой, взятой у Штайнера и, чиркнув зажигалкой, вдохнул в себя терпкий дым сигареты. Нынешний его улов давал ему право немного расслабиться и отдохнуть. Раз в неделю Карл Диц посещал уютный светлый ресторан в европейском стиле, расположенный в тридцати километрах от деревни. Обычно он цеплял там грудастых девиц, обслуживающих немецких офицеров, но на сей раз решил выйти в свет вместе с Сюзан.

Сюзан была дочерью лесничего Симакова. Он дал рыжебородому время «хорошенько подумать» – сдавать ли ему гномов, а пока обещал не трогать его диковатую дочь Соню. На самом деле он овладел этой стройной синеглазой блондинкой в первый же день ее появления в канцелярии и нашел в ней много высоких достоинств.

Она продолжала дичиться его, хотя он был нежен с ней в первую ночь, а ему хотелось выглядеть в глазах этой пышноволосяй синеокой пастушки светским львом. Вряд ли она знала что-нибудь лучше убогого сельского клуба и потных деревенских самцов, подминающих под себя визжащих девок в колхозном парке. Впрочем, она оказалась девственницей, и это льстило его мужскому самолюбию.

Респектабельный ресторан с кричащим названием «Бонжур», который содержал в городе предприимчивый итальяшка, примкнувший к армии, должен был произвести на нее неизгладимое впечатление. «Вынужденное прозябание в этой забытой богом дыре следовало компенсировать маленькими радостями любви»

Лейтенант бросил недокуренную сигарету в тяжелую граненую пепельницу и прислушался: непонятные тревожащие его звуки за окном как будто утихли.

В Дубки он прибыл как офицер, заслуживший отпуск после тяжелого ранения в грудь, которое получил под Сталинградом.

Шестая полевая армия Паулюса была взята в клещи Красной армией. Отчаянные попытки танковых дивизий фельдмаршала Манштейна вызволить из гигантского котла отборные немецкие дивизии наталкивались на яростное сопротивление войск командующего фронтом Рокоссовского. Сталинград грозил стать тем роковым рубежом, который мог переломить ход войны в пользу русских.

Дела на восточном фронте обстояли так плохо, что из Берлина поступила секретная директива, согласно которой отменялись отпуска младших офицеров на родину, и в качестве отдыха предписывалось отправлять их на относительно спокойные участки фронта, где можно было на природе восстановить подорванное в боях здоровье.

Лейтенант отлежался в полевом госпитале за Волгой и рассчитывал провести отпуск в Дрездене в обществе очаровательной Гретхен, по белому телу которой он давно уже скучал.

– Вынужден вас огорчить, молодой человек, – пряча от него уставшие воспаленные глаза, сказал полковник Зоненберг, – поездку в Дрезден придется отложить.

Густав фон Зоненберг, худощавый пожилой мужчина с благородной сединой на висках и надменным лицом баронета, благоволил этому всегда подтянутому и непохожему на других

офицеру, которого считал военной косточкой и своей вероятной заменой в недалеком будущем. Но умники в штабе дивизии решили иначе, и ему было неприятно, что он ничего не смог сделать для своего симпатичного протеже.

– У меня тут два не очень привлекательных для вас варианта, – сказал он, зная, что лейтенант рвется в объятия своей пышечки жены и, придерживаясь принятого в таких случаях иронического тона.

Диц почтительно склонил голову, всем видом показывая, что с готовностью примет все, что ему предложит старший офицер.

– Вы можете взять на себя обязанности начальника концентрационного лагеря в Польше либо отсидеться ближайшее время в русской деревушке с дурацким названием Дубки.

Диц вопросительно приподнял бровь.

– Там, наверху что-то затевается, – доверительно сказал полковник, отечески сжимая локоть лейтенанта, – данный объект имеет повышенное стратегическое значение и вашей задачей, Карл, будет нейтрализовать возможные попытки партизан сорвать планы немецкого командования.

От концлагеря Диц отказался наотрез.

– Я воин, – с достоинством сказал он полковнику, – а не надзиратель!

И тот, одоблив выбор своего любимца, вручил ему штабной приказ предписывающий поездку в Дубки, а заодно написал рапорт вышестоящему начальству с ходатайством о представлении обер лейтенанта к железному кресту за проявленную в боях доблесть. Этот дерзкий и не по чину уверенный в себе мальчик чем-то напоминал ему его самого в далекой молодости.

Карл Диц был храбр до безрассудства, но излишне озабочен сексуально, за что пострадал этим летом, нарвавшись на крупную неприятность, связанную с кралей дивизионного командира. Можно было смело предположить, что с отпуском начальство наверху заартачилось благодаря именно этому неосторожному поведению обер лейтенанта. Собственно говоря, краля командира сама была не прочь пофлиртовать с белокурым атлетически сложенным красавцем, но генерал-полковник Гутман, самолюбивый низкорослый старик, с кривыми ногами, застав романтическую парочку в приемной штаба дивизии «за непристойными действиями», прибег к строжайшему уставному взысканию, и это существенно осложнило лейтенанту жизнь.

– Я не скажу, что это глубокий тыл, – напутствуя младшего товарища, сказал полковник. – Дремучие леса, партизаны, знаете ли, вокруг, но они не представляют серьезной опасности для такого храброго солдата как вы, Карл.

– Благодарю вас, господин полковник, – лихо козырнул лейтенант, принимая комплимент прославленного героя кайзеровских времен.

– Наберетесь сил на лоне природы, Диц, и милости просим обратно в полк.

Пронзающий холодными иглами воздух заполнил ему легкие. Лейтенант Диц сухо закашлял, вытащил из-под подушки тяжелый черный парабеллум, подаренный ему дедом, и встал с кровати, собираясь закрыть форточку. За окном снова прозвучал жуткий горловой голос, и он понял чутьем опытного охотника, что это отвлекающий маневр, за которым обязательно последует какой-нибудь необычный в русском стиле подвох. Где-то рядом затаился коварный враг, который явно хочет вывести его из равновесия. Крик доносился с соседнего гумна, и было странно, что часовые не слышат его. Он быстро оделся, вложил холодный тяжелый пистолет в кобуру и замер на мгновение, пытаясь вникнуть в смысл непонятных слов идущих из темноты.

Послышался резкий выхлоп выстрела, взметнулась ввысь караульная ракета, ярко освещающая низину, ведущую к скованной льдами речке на окраине деревни, и снова все вокруг стихло. Лишь заунывное гудение и монотонный стук ветра на крыше нарушали ночную тишину деревни.

Слабое мерцание звезд и бодрящий морозный воздух напомнили ему зимние вечера в Альпах: аромат горной хвои, лыжные прогулки по утрам, волшебные звуки фокстрота в ресторане и романтический отблеск светильника в уютном отеле, где он провел с Гретхен предыдущий отпуск. Память услужливо навевала ему почти забытые картины чудной недели отдыха. «Нам было хорошо вдвоем», – с грустью подумал Диц. Звуки далекого фокстрота пробудили в нем похотливые мысли. Воображение рисовало синие блики огня, потрескивающего в огромном средневековом камине и обольстительную полную грудь Гретхен, умевшую отдаваться пылко, со всей страстностью тридцатилетней женщины поздно вышедшей замуж.

Она была перезрелая дочь оборотистого фабриканта, производившего фарфоровую посуду. Диц получил за ней хорошее приданое. Сначала у него был сугубо коммерческий интерес к браку с дебелой фабрикантшей. От дедушки, который воспитывал его с ранних лет он не получил ничего, кроме пустых наставлений, а от родителей ему досталась лишь дурная репутация. Но, увидев безмерное обожание Гретхен его «мистической личности» так она любила его называть, он и сам неожиданно привязался к ней и даже почувствовал нечто вроде нежности к своей богатой и жаждущей сильного мужчину невесте. Что-то теперь подделывает его очаровашка жена: ждет, любит, или, может, нашла ему замену с какой-нибудь штабной крысой разыгрывающей из себя героя войны? Нет, Гретхен верна ему, он не из тех, кому можно изменить. В нем всегда были ярко выражено сильное мужское начало и женщины тянулись к нему, видя в нем роковую личность, которую мучительно жаждешь, преклоняешься перед ней и добровольно желаешь подчиниться, ибо чувствуешь титаническую мощь духа и трепетную стать атлетического тела.

Милая Гретхен как она любила его крепкие мускулистые руки!

«Я испытываю томную сладость в груди, даже тогда, когда ты делаешь мне больно», – говорила ему жена. Запах ее душистых каштановых волос и пряный вкус влажных чувственных губ преследовали его по ночам, лишая покоя и сна. Ни одна из этих симпатичных деревенских валькирий не затрагивала его мысли и сердце. Все они были для грубого животного секса. Неплохого, впрочем, временами даже экзотического секса, но в последнее время его тянуло на какой-нибудь провинциальный, возвышенно-утонченный роман, такой, какой у него был с Гретхен. Только она, тонкая натура, знала и умела выразить простыми словами то главное, что он ценил в себе: холодный жесткий цинизм и беспощадность смеющегося льва. Это был стиль жизни, который он избрал в юности и вырабатывал в себе долгим упорным трудом, неустанно тренируя тело и душу.

Полковник Зоненберг вполне мог выбить ему побывку в Дрезден, но не стал унижаться перед бывшими друзьями, которые занимали в Берлине высшие командные посты. Все в этом щепетильном, с изысканными манерами полковнике, негласно взявшем опеку над ним, казалось Дицу отжившим и карикатурным. Он любил Чайковского, хотя все ближайшее окружение Гитлера демонстративно преклонялось перед величественной музыкой Вагнера, он восторгался стойками и цитировал Сенеку, а пробить отпуск для подчиненного, используя старые связи, считал неуместным для офицера его ранга. Это делало его в глазах Дица сентиментальным и забавным романтиком, который пережил свое время. Вероятно, из Абвера его выкинули по той же причине. Там нужна была молодежь – жесткая и насмешливая, не умиляющаяся от камерных произведений Чайковского, который, кстати, очень нравился дедушке, хотя он считал, что «русский музыкант» представляет культуру отжившего сентиментализма, чуждую героическим порывам грубых викингов.

Что означают эти непонятные придушенные звуки, может быть, это Иван снова затевает свои мужицкие игры? Сначала этот нелюдимый и дикий с виду, несмотря на очки, мальчик смешил его своими непомерными амбициями – непременно убить коменданта Дубков, но с каждым днем действия его становились все более обдуманными и дерзкими. Вчера он

стрелял в него, а попал в обозную лошадь, жующую из торбы овес: очки у бедняги, наверное, упали с носа, когда он целился. Возможности у Ивана были ограниченные – пистолет да зубы, очевидно, острые: по деревне ходили слухи, что есть в нем что-то волчье. Конечно, этот парень умен и храбр, однако, вряд ли он способен на военную хитрость. Но кому-то ведь понадобилось затевать эту глупую игру с голосами? Впрочем, глупой называть ее рано. Скорее это тактическая комбинация врага, который хочет отыграться за провал группы Симакова. Ему надо быть настороже: чудики, которые целят в него, а попадают в лошадь, обычно непредсказуемы. Но так даже веселее, когда не знаешь, откуда ждать пули. Вывести его из равновесия или напугать чем-либо было невозможно. По старой привычке, привитой ему еще дедом, он сознательно подвергал себя каждодневному риску и тем утверждался в собственных глазах. Когда наступало временное затишье и гномы почти не высывались из своих барсучьих нор, он звал к себе унылого старосту и предлагал ему сыграть в русскую рулетку.

– Вот видишь в барабане одна пуля, – говорил он, – сначала кручу я, а потом ты, хочешь рискнуть, старик?

– Я, ваше благородие, к таким играм неспособный, – отговаривался Савелий Петров, делая вид, что не замечает презрительной усмешки лейтенанта.

– Где же твоя хваленая русская удаль? – с ухмылкой вопрошал Карл Диц и откровенно признавался ему, – мне скучно, мужик, веди сюда ваше «Светлое будущее»

Петров приводил к нему очередного подростка, которого лейтенант снабжал маленьким дамским пистолетом и обоймой блестящих желтых патронов:

– Сможешь ранить меня, получишь сто марок, а убьешь, никто тебе за это ничего не сделает, – напутствовал он парня. Дуэлянты выходили на майдан и расходились. Причем Диц был безоружен. После недолгой, беспорядочной или выборочной пальбы (в зависимости от того насколько был напуган подросток), когда юный дуэлянт целил в лейтенанта, а попадал в зазевавшуюся бабу или деревенскую собаку путающуюся под ногами, он отрешенно садился на талый пригорок и, хныкая, сдавался на милость победителя. Лейтенант давал неудачливому подростку десять оккупационных марок и отпускал с миром. Его рискованный баланс на время был восстановлен. Крепкие на вид подростки не представляли для него серьезной опасности. Даже когда он прямо шел под пули никто из них так ни разу и не попал в него. Только однажды один парнишка по имени Павел Хромов, сделав вид, что расстрелял всю обойму, подождал, пока лейтенант подойдет ближе и рванул чеку гранаты, слишком рано, как выяснилось, чтобы убить немца. Тщательно проведенное позже расследование так и не пролило свет на то, откуда подросток раздобыл смертоносный снаряд. От того, что Павел разжал пальцы раньше времени, лимонка разорвалась у него в руках и он погиб на глазах у своей матери, потерявшей рассудок от горя.

Диц оценил мужество дерзкого юноши и пригласил в Дубки духовой оркестр из города. Весь следующий день музыканты играли бравурные советские марши, а рота немецких солдат салютовала в честь маленького героя, едва не отправившего на тот свет странного немецкого офицера.

Павла Хромова похоронили с воинскими почестями в центре деревни на том месте, где раньше стоял памятник Иосифу Сталину.

На могиле подростка Диц сказал сдержанную речь о том, что он лично рукоплещет героическому подвигу молодого человека и был бы рад умереть такой красивой смертью. От имени «общественности», с любезного разрешения коменданта, надгробное слово сказал сельский учитель Корш. В основном он сосредоточился на школьных успехах погибшего, а в заключение по стариковски, не выдержал, прослезился и заявил, что Павлик был его несбывшейся надеждой и любимым учеником. Разбитой горем матери Павла Хромова лейтенант Диц подарил значительную сумму денег, на которую она могла купить корову столь необходимую в хозяйстве. Погибший юноша был, пожалуй, единственный человек в деревне, который доставил ему

истинное удовольствие своей неожиданной тактической уловкой. Теперь он уже не чаял подыскать для своих дуэлей стоящего партнера. Но однажды в комендатуру явился сутуловатый парнишка лет семнадцати и на хорошем немецком языке сказал:

– Меня зовут Иван Петров. Я хочу, чтобы вы дали мне пистолет.

Мальчик носил очки с толстыми стеклами: шея у него была тонкая, грудь узкая, а руки длинные, но цепкие, судя по рукопожатию, которым Диц удостоил его. Мальчик был некрасив: покатый лоб нависал над горящими зелеными глазами, а прямой нос и слегка приподнятые уголки губ придавали лицу хищное выражение. Несмотря на звериный оскал и угрюмый вид, он не производил отталкивающего впечатления, вероятно, из-за глаз, излучавших лучезарный свет и доброту.

Парень отказался от вознаграждения в случае удачного исхода дуэли и Диц понял, что этот экземпляр вырождающейся русской популяции хочет ухлопать его из идеологических соображений.

Идеологических болванов, исповедующих расовую теорию, он ненавидел в армии. Дед учил его, что никакой идеологии в реальной жизни нет, а есть только мораль рабов и мораль господ. «Все, что между этими категориями придумано намеренно для оболванивания масс, в чем так удачно преуспел ничтожный ефрейтор».

Диц убедился на собственном опыте: идеологические бойцы впадают в панику при первых же трудностях на фронте. Он уже имел удовольствие видеть фанатов, которые ломались как спички в холодную зиму под Сталинградом.

Но где-то он уже видел этого неуклюжего парня в очках. У него был сильнейший минус: с таким зрением только в мечту свою стрелять – затаенную. Диц узнал его: это был сын старосты Савелия Петрова. Можно было, конечно, догадаться об этом по фамилии, но у русских ведь каждый второй Петров или Иванов, а он еще не совсем хорошо разбирается в именах. Вместе со своим недалеким и предупредительным во всех отношениях папашей этот неказистый юноша делал как-то ремонт в его альковной спальне. Ему, очевидно, не очень нравилось это скучное занятие, и пугливый отец все время горячо убеждал его уняться, ласково называя «Ванюша»

Лейтенант призвал Петрова в канцелярию и сказал ему с наигранным упреком:

– Почему твой сын хочет моей смерти, старик, разве я мало сделал тебе хорошего?

– Ему просто скучно сидеть дома, – виновато засуетился Савелий, – гоните его, пожалуйста, в шею, Ваше благородие. Он у меня один, а двое старших погибли еще до войны.

Петров был раскулачен в годы коллективизации и, не желая идти этапом в Сибирь, скрылся с сыновьями в лесу. Он жил в сырой душной землянке почти десять лет, пока советская власть не простила его. Жена у него умерла от родов в глухой непролазной чаще, а старших детей задрал медведь. Петров совсем одичал в своем мрачном изгнании и почти сырым поедал всякую лесную живность. Его младший сын Иван, родившийся в лесу, похож был на звереныша, и говорят даже, дружил с волками. Несомненно, Петров сгинул бы в лесу в суровую русскую зиму, но один из сердобольных сельчан, проведая, где именно он окопался, довольно долго приносил ему спички, еду и теплую одежду.

Лейтенант дал Ивану пистолет системы «Вальтер» и заключил с ним джентльменское соглашение.

– Я даю команду своим людям не трогать тебя, ни под каким предлогом, а ты даешь мне слово мужчины, что будешь стрелять по мне лишь по одной пуле в день. За мной остается один выстрел, но только после того как ты израсходуешь всю обойму.

Парнишка скрылся из виду и лейтенант знал, что на сей раз славно развлечется.

Накинув на плечи китель, обтягивающий его мощный торс и, натянув на ноги, вычищенные до блеска сапоги, лейтенант уверенным шагом направился в свой рабочий кабинет.

Дом культуры, который занимал Диц, представлял собой двухэтажный дворянский особняк, построенный по итальянскому проекту. Первым, кто начал обживать его под канцелярию, был бывший комендант Дубков Фриц Штайнер, которого Диц знал еще по Дрездену. В детстве они были дружны и вместе ухаживали за недотрогами из женского лицея на Фридрихштрассе. Но потом Фриц узнал правду о его несчастных родителях и демонстративно отстранился от него, не отвечая на звонки и письма. Именно тогда Карл страшно озлобился на всех своих сверстников и взрослых, лицемерно жалеющих его и никогда больше не заводил друзей. Даже в кадетском корпусе, куда он попал, скрыв правду о своих родителях, по рекомендации полковника Зоненберга, бывшего приятелем его богатого тестя, он держался особняком и не навязывал никому своей дружбы. Осиротевшего мальчика забрал к себе дед, который поклялся памятью своего непутевого сына, что сделает все возможное, чтобы внук его никогда не повторил бесславной судьбы своих погибших родителей.

В молодости дед был неудачливым торговцем мебели, которого с треском погнали с работы за бесконечное умничанье с покупателями. На последние сбережения словоохотливый старик купил маленькую ферму в предместье Дрездена и всецело посвятил себя тяжелой физической работе, чтобы мальчик не знал нужды.

Неисправимый мечтатель и философ, дед воспитывал Карла в духе учения Фридриха Ницше, ярим почитателем которого он был.

Друзья детства не виделись с того дня, как Диц переехал жить на ферму деда и неожиданная встреча в Дубках была для обоих приятным сюрпризом. Узнав товарища своих детских игр, Фриц Штайнер искренне обрадовался и решил остаться в деревне еще на некоторое время, чтобы предаться с другом приятным воспоминаниям о том веселом и беззаботном времени, когда они часами подглядывали в дырочку в дамском туалете на железнодорожном вокзале. Командование, зная о выдающихся заслугах Штайнера в Чехии и Сербии, не видело препятствий в том, чтобы герой Балканской кампании укрепил свое здоровье на природе, тем более что своим административным опытом он мог поделиться с новым комендантом Дубков, где предполагался в скором будущем монтаж особо важного и засекреченного объекта.

В конце первого месяца своего пребывания с другом детства со Штайнером случилось несчастье: во время охоты он был серьезно ранен партизанами. Но это не очень расстроило сдержанного в своих чувствах Карла Дица, потому что друг детства, подвыпив, скучными зимними вечерами, стал напоминать Карлу о сомнительном прошлом его родителей, которое и так основательно подпортило ему биографию.

Лейтенант любил роскошь и обустроил свой кабинет старинной мебелью, высокими зеркалами в причудливых рамах и тяжелыми зелеными портьерами на высоких с полукружьем окнах.

Стол, за которым он начальственно восседал во время приема посетителей, был массивный длинный и усиливал впечатление угрюмой пустоты и холода, царивших в кабинете.

В первый же день своего появления в Дубках Диц собрал все взрослое население на сход, так назвал эту акцию Петров, и сказал людям, что намерен превратить деревню в образцовый населенный пункт, а контингент проживающих сделать зажиточными фермерами, в том случае если они будут проявлять рвение и послушание властям. Говорил он в целом сам, но в трудных местах прибегал к помощи старосты. Народ слушал лейтенанта без особого воодушевления, считая, что в качестве «новой метлы» тот слишком уж рьяно взялся за дело. Предыдущий комендант Дубков Фриц Штайнер расстрелял для острастки школьного сторожа деда Никифора, который, приняв на грудь лишний шкалик, публично прошелся по материнской линии Адольфа Гитлера, и нещадно обирал людей, не заботясь о том, как они потянут суровую зиму.

Диц настрого запретил солдатам мародерствовать, разрешил крестьянам выполнять полевые работы и даже устроил приемные дни, когда крестьяне, он запретил называть их колхозниками, могли обращаться к нему с жалобами.

Жалобы были в основном на то, что солдаты отбирают последнюю скотину и насиловали женщин. Он сурово наказывал виновных, подвергая их унижительной экзекуции – десять ударов кнутом и это вызвало к нему веселое доверие местных жителей. «Справедлив, Карла, – говорили они про него, – не то, что Фриц, мать его эдак». Страх перед жестокостью педантичного садиста Штайнера переполнял их сердца. Карл Диц проявлял лояльность к людям, если они не искали дружбы с партизанами. И люди не искали. Во всяком случае, со стороны деревенского старосты, бывшего также главным информатором Дица, никаких сигналов на сельчан не поступало. Можно было, конечно, заподозрить старосту в саботаже, но именно он вывел коменданта на Федора Симакова, который принимал у себя «Лесных гномов» так презрительно называл Диц партизан. Впрочем, он мог пойти на предательство из-за враждебных отношений к лесничему, что также не следовало сбрасывать со счетов.

Уличенный в преступных контактах с партизанами, Федор Симаков был слабый малодушный человек, которому не следовало ввязываться в Войну. Скорее всего, его запугали партизаны и он, боясь послушаться их, собирал информацию о подозрительной возне немцев вокруг Дубковского анклава.

Лесничий жестоко поплатился за свою ошибку и сидел теперь с плененными гномами, которые, наверное, надругаются над ним. Диц знал, что уголовные элементы в российских тюрьмах имеют обыкновение насиловать и убивать предателей. Лесных гномов он считал уголовными элементами и был убежден, что те нарушают классические законы Войны.

Вольготно устроившись в мягком кресле, обшитом слегка потертым синим бархатом, лейтенант обратил внимание на маленькую дырочку, зияющую на подлокотнике старинного кресла. Это был след от пули, которую сын старосты предназначал ему.

Подросток оказался умным и изворотливым врагом. Зная окрестности и чувствуя себя в лесу как дома, он умел затаиться и стрелял, не очень метко, правда, из-за плохого зрения, но зато в самые неожиданные и неподходящие моменты. Этот парень заставлял лейтенанта быть начеку все двадцать четыре часа в сутки. Несомненно, именно такого испытания риском лейтенант искал на фронте и в Дубках. В душе он рукоплескал очкастому подростку и был верен своему слову – нигде и ни под каким предлогом не убивать Ивана пока тот не отстреляется. В подобном поведении, однако, не было никакой надобности: солдаты вермахта, хорошо знавшие свое дело, ни разу не видели отчаянного парня в деревне и за ее пределами. Как ему удалось так ловко подкрасться к канцелярии и выпустить пулю в придремавшего в кресле лейтенанта одному богу известно.

– Этот звереныш сделает тебе немало проблем, Карл! – Предупреждал его Фриц Штайнер, у которого он отнял оружие и насильно держал в деревне не отпуская в госпиталь потому, что тот знал о его семейной тайне и мог наплевистить начальству гнусные небылицы о нем.

– Ты заблуждаешься, Фриц, – ласково возражал ему лейтенант, – этот звереныш не признает законов стада и потому стоит того, чтобы пожить немного дольше!

Медленно выздоравливающий в одной из боковых комнат канцелярии друг детства Штайнер вовсе не одобрял либеральное отношение Карла к мужикам и считал его причуды наследственными:

– Это в тебе говорит кровь твоего папаши, – с усмешкой говорил он, вызывая глухое раздражение приятеля.

Диц позвал к себе ефрейтора Зингеля.

Уютное кресло с выпуклой спинкой, как и вся мебель в стиле «Барокко» принадлежали бывшему русскому князю, у которого большевики отобрали поместье, ставшее позже домом культуры. Сидя на мягком подпорченном пулей синем бархате, он подумал, что князя этого следовало бы расстрелять за то, что не сумел защитить свое родовое имение. «У меня бы они и ложкой не разжились»

Русские, насколько он успел узнать их, представлялись ему грубой, дикой и излишне эмоциональной нацией, у которых чувства всегда предшествовали делу. Без дурацкого и никому не нужного самоанализа, который высокопарно назывался у них совестью, они буквально чахли, стимулируя подъем энергии добротной порцией самогона. Ему было странно наблюдать за старостой, который после небольшого нажима с его стороны взялся сотрудничать с оккупантами, но, глубоко переживая свое падение, запил, и в трезвом состоянии был похож на ржавый громоздкий механизм, потребляющий много энергии, но работающий медленно и натужно. «Как причудлива в своих творениях природа – думал Диц, – насколько храбр и стоек духом сын и сколь ничтожен и труслив отец!»

– Зингель, – сказал он ефрейтору, стоявшему перед ним навтытяжку, – сделайте мне кофе да покрепче.

Ефрейтор Зингель, долговязый анемичного вида человек средних лет, собирался сказать ему что-то, но привыкший беспрекословно выполнять приказы начальства, неумело шаркнул каблуками и, сторбившись, вышел на кухню.

Зингель был неповоротливый и абсолютно непригодный к военной службе человек, но он неплохо разбирался в лечебных травах и в два дня излечил его от гриппа, напоив какой-то сладкой пахучей смесью. Здоровье лейтенанта после ранения было серьезно подорвано, и понимающий в медицине подчиненный был ему крайне необходим.

Адъютант подал горячий кофе и сахар.

– Вы можете идти, Зингель!

Но ефрейтор не уходил, продолжая глупо топтаться на месте. Высокий, худой, с вытянутым, будто приплюснутым с двух сторон лицом он, казалось, боялся собственной тени, но сейчас вдруг проявил несвойственную ему настойчивость. Как человек трусливый и робкий он очень хотел, но не знал с чего начать разговор.

– Вы, кажется, озабочены чем-то, дружище? – спросил лейтенант, догадавшись, о чем тот собирается ему докладывать. «Он тоже слышал эти жуткие крики с улицы и теперь трясется от страха, бедняга. Ему бы сейчас хлебнуть пива и забраться под подол какой-нибудь русской фройлен с пудовой грудью»

– Господин лейтенант, на западной окраине деревни кто-то произносит непозволительные слова.

«Я не ошибся» – подумал Диц и внутренне подобрался, предчувствуя опасность. Ну что ж, он всегда готов принять вызов и даже рад этому, потому что гномов этих хваленых не дождешься в последнее время, а играть в прятки с дефективными подростками ему уже наскучило.

– Что значит кто-то? – въедливо допрашивал лейтенант, лениво помешивая серебряной ложечкой кофе. – Кто кричит, что кричит и ваши действия, ефрейтор?

– Зона выкриков оцеплена солдатами, господин лейтенант, – испуганно вытянулся ефрейтор, – жители деревни согнаны в здание школы, но вопли не прекращаются.

– Не говорите чепухи, Зингель, – лейтенант с удовольствием отпил горячий кофе, – если слышны крики, значит, кто-то их издает, не так ли, дружище?

– Они доносятся с неба, господин лейтенант, – виновато выдохнул ефрейтор.

– Вы что, Зингель, идиот? – усмехнулся лейтенант, – может быть, это приведение кричало?

– Не могу знать, господин лейтенант!

– Должны знать, черт вас дерит! Вы на фронте, ефрейтор, а не в пивном баре фрау Магдалины.

Анемичный ефрейтор с приплюснутым лицом работал в Кельне фармацевтом и на фронт попал из-за своей непрактичности.

Когда его свояк Генрих предложил ему прострелить себе ногу, он не решился на эту дикую авантюру и теперь каждую минуту мог погибнуть от партизанской пули или замерзнуть, как последняя собака на этом ужасном русском морозе. А ведь сказал тогда Генрих, что это совсем не больно, а членам медицинской комиссии можно будет соврать, что ранение вышло от пули, которая срикошетила при чистке оружия. Никто не станет вникать в эти тонкости, а инсценировать рикошет Генрих умел. Свояк был ветераном первой мировой войны и знал множество способов, как уклониться от фронта.

– Мы делали, что могли, господин лейтенант, – растерянно сказал Зингель, – был приказ открыть огонь по небу.

Зингель ненавидел этого всегда подтянутого и пахнущего тонкими духами лейтенанта. «И где он, сволочь, духами пробавляется? Отовсюду пахнет дерьмом, а от него духами»

В первые же дни своего появления на новом месте лейтенант потребовал, чтобы адъютант регулярно поставлял ему свежих девочек. У Зингеля росла дочь в Кельне, и когда из канцелярии лейтенанта доносился надрывный детский плач, он с тоской вспоминал о своей смешливой Барбаре, которая сейчас, наверное, проводит рождественские каникулы у бабушки в Баварии.

– Заткнитесь, Зингель, какой олух дал приказ стрелять в небо?

– Шарфюрер Кригер, господин лейтенант.

– Это тот самый спортивный осел, который по утрам обливается холодной водой?

– Он делает французскую гимнастику, господин лейтенант.

– Кажется, он спал с женщиной, которая работает в коровнике. Мне донес об этом ее свекор.

– Он изнасиловал ее, господин лейтенант, противоестественным способом.

– Корова, надеюсь, избежала этой участи? Пригласите этого жеребца сюда.

Спустя минуту, в канцелярию вошел плотного сложения человек с круглым красным лицом и мощной шеей борца.

– Вы Кригер, насколько мне известно, надругались над коровницей?

– У нее муж в Красной Армии, – сказал спортсмен, не понимая, куда клонит Диц. Он-то думал, что его зовут по поводу ангельских голосов с неба, а тут опять глупый допрос про эту толстую сучку из коровника. Кригер уже получил за нее десять ударов кнутом, неужели еще добавит? Между прочим, она умело подмахивала ему тогда. Если бы не свекор, который донес... Видно, не дает ему толстуха. Диц должен помнить, что уже наказывал его за коровницу?

– Женщина, Кригер, не отвечает за поступки своего мужа. В следующий раз, если вам невтерпеж, воспользуйтесь, пожалуйста, услугами коровы.

– Слушаюсь, господин Лейтенант!

Кригер убил бы этого мерзавца лейтенанта собственными руками. Из-за него некого уже трахать в деревне. А ведь себе набрал гарем целый, подлая душа.

– Что, Кригер, ваши ослы стреляли в господа Бога? – наконец-то удосужился спросить Диц.

– Никак нет, господин лейтенант, это я стрелял на голос, который пел.

– Пел, а может быть, мычал? – насмешливо спросил лейтенант, намекая на связь с коровницей.

– Никак нет, господин лейтенант, мне показалось, что он именно пел...

– И что же он пел, шарфюрер? – иронически улыбаясь, спросил Диц.

– Извините, господин лейтенант, он произносил нехорошие слова.

Кригер был инструктором по физкультуре в гитлерюгенде и не мог красиво выражать свои мысли. У него было теплое место в Гамбурге, и он мог отсидеться в родном городе

до завершения военной кампании, но его отправили на фронт за несвоевременную выплату партийных взносов; такова была официальная формулировка, а на самом деле он был позорно уличен в краже продуктов из курсантской столовой, что не пристало делать ветерану национал-социалистической партии принимавшему участие в разгроме рёмовских оппозиционеров.

– Что вы ломаетесь как уличная девка, – строго сказал, лейтенант, – или мне вам сказать, какие это были слова?

Кригер молчал. Он хорошо знал значение доносившихся с неба слов, но, будучи трусом в душе не решался воспроизвести их в присутствии флегматичного лейтенанта, который представлялся ему настоящим исчадием ада готовым пристрелить человека за малейшую провинность. Он цацкался лишь с этим русским подростком, который безнаказанно палил во все стороны и убил вчера обозную лошадь, возившую полевую кухню, оставив караульных без обеда. Кригер мог спокойно прикончить мальчишку, но этот хладнокровный убийца решил еще немного поиграть с ним в прятки. Лейтенант, впрочем, был всегда подчеркнуто вежлив с подчиненными и никого вроде не собирался расстреливать, но Кригер нутром чуял в нем страшного хищника, не ведающего слова жалость. Со Штайнером было проще: тот жил сам и другим не мешал жить, а с этим... ведь ни за что отстегал кнутом, педераст. В город к проституткам не пускает, а здесь запретил приставать к женщинам, поскольку мы оказываемся «Не воюем с гражданским населением» Накатать на него анонимку, что ли в штаб дивизии, чтобы знал, дерьмо, как поднимать руку на ветерана партии. Два дня после этого позора он не мог сидеть на стуле: мягкое место горело, словно вымазанное скипидаром.

Лейтенант догадывался о значении «непозволительных» слов, которые выпытывал у этого красномордого дебила, но хотел услышать подтверждение своим догадкам от Кригера.

– Может быть, он сказал «Дурак» на известную особу?

– Нет, господин лейтенант, хуже, он сказал непозволительное слово.

– На кого?

– На известную особу.

Диц встал, подошел к портрету, висевшему на стене и, взглянув в изображение сурового человека в парадном мундире, строго спросил:

– Как это понимать Кригер, возможно, Иван хочет освободить пленных?

– Никак нет, господин лейтенант, Ивану наплевать на гномов, он мстит вам за дочь Симанкова, которая была его кралей.

– Откуда вам это известно?

– Об этом говорят все сельчане. Они называют его звереныш и считают оборотнем.

Диц опустил в кресло и закрыл глаза.

– Вы поэт, Кригер?

– Никак нет, господин лейтенант!

– Я думаю, что вы болван и вам надо выбирать выражение, прежде чем что-либо сказать.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.